

Государственный музей Л. Н. Толстого

А. Л. Толстая
ДНЕВНИКИ

1903–1920

КУЧКОВО ПОЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

2015

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т52

Составление, подготовка текста

Н. А. Калинина

С. Д. Новикова

Вступительная статья

Н. А. Калинина, С. Д. Новикова

Научный редактор

Л. В. Гладкова

*В книге использованы фотографии из фондов
Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)*

Толстая А. Л.

Дневники. 1903–1920. — М.: Кучково поле, 2015. — 336 с.; 32 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0594-0

Издание дневников Александры Львовны Толстой (1884–1979) — событие, которого давно ждал читатель. Младшая дочь Льва Толстого была самым близким человеком в последние годы его жизни. Именно ей Толстой завещал «в полную собственность» всё написанное им, при этом он не сомневался, что дочь выполнит главное его условие — сделать писания отца всенародным достоянием. Помощница великого писателя, участница Первой мировой войны, награжденная двумя Георгиевскими медалями, хранитель усадьбы «Ясная Поляна» с 1919 г., в 1929 г. она покинула Россию, с 1931 г. жила в США, где основала Толстовский фонд для помощи русским эмигрантам. А. Л. Толстая — автор нескольких книг о Толстом.

В настоящем издании все известные нам Дневники А. Л. Толстой впервые полностью публикуются по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого. Издание снабжено уникальными фотографиями из фондов музея.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9950-0594-0

© Н. А. Калинина, С. Д. Новикова,
составление, вступительная статья, 2015
© Государственный музей Л. Н. Толстого, 2015
© Кучково поле, издание, 2015

Дневники А. Л. Толстой 1903–1920 гг.

Александра Львовна родилась 18 июня 1884 г., в один из самых драматических дней в жизни ее родителей. В ночь с 17 на 18 июня Толстой, взяв котомку, покинул Ясную Поляну, чтобы «уйти совсем»*, но этому помешали начавшиеся у жены роды. Софья Андреевна позднее вспоминала: «В 7 часов утра родилась прекрасная девочка с темными длинными волосами и большими синими глазами. Пережив столько тяжелого волнения в эту ночь и измучившись и физически родами, я уже ничего не могла чувствовать к ребенку. Решив твердо невозможность кормить самой, я велела ее унести в детскую, с глаз долой, чтоб не терзать свое сердце видом такой раньше желанной и теперь отвергнутой девочки»**. Двенадцатого ребенка в семье назвали Александрой в честь двоюродной тетки Толстого, Александры Андреевны Толстой, которая стала ее крестной матерью. Александра Андреевна первая обратила внимание на одаренность трехлетней девочки, 14 октября 1887 г. она писала Т. Л. Толстой: «Мне все кажется, что вы не обращаете на нее должного внимания, а она недюжинный ребенок. У нее в голове и глазах сидит целый отец Лев Николаевич»***.

Софья Андреевна Толстая, не балуя дочь нежностью и лаской, уделяла большое внимание ее образованию, нанимала ей лучших гувернанток и преподавателей. Сашу учили английскому, немецкому, французскому языкам; музыке, рисованию, танцам. Физи-

* Юб. Т. 49. С. 105.

** Толстая С. А. Моя жизнь: В 2 т. М., 2014. С. 444.

*** Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903) / Издание подготовили: Н. И. Азарова, Л. В. Гладкова, О. А. Голинченко, Б. М. Шумова. М.: Наука, 2011 (Лит. памятники). С. 547.

чески очень крепкая, она прекрасно каталась на коньках, скакала на лошади.

Сближение Александры с отцом началось, когда она стала переписывать его рукописи и помогать вести переписку с многочисленными корреспондентами. Впоследствии Александра Львовна вспоминала: «Впервые я подошла к отцу, когда мне было 15 лет. Это время я считаю началом моей близости с ним. С годами она все увеличивалась»^{*}.

В 19 лет под впечатлением от чтения дневников отца, которые она в то время переписывала, юная Александра начала вести свой первый дневник, в котором, видя, как стареет ее отец, впервые задалась вопросом: «Как я буду жить потом, чем я буду жить?». В отличие от Софьи Андреевны Толстой, придававшей огромное значение тому, что «будет говорить и думать следующее поколение», Александру Львовну «ужасно раздражала мысль об этом будущем поколении». Она вспоминала: «Я писала дневник только тогда, когда меня что-нибудь сильно задевало или когда я бывала влюблена»^{**}.

Дневниковые записи А. Л. Толстой подтверждают справедливость этих слов. Здесь нашли свое отражение ее влюбленности, о которых позднее в своих мемуарах она умолчала. Главная же тема ее дневников — любовь к отцу. «Величайшее счастье» для дочери, когда отец с ней ласков и «чувствуется близость большая». В дневниках Александры все, что волновало тогда ее великого отца и о чем он писал: Русско-японская война, революция 1905 года, выборы в Думу и многое другое. Сожалея о том, что нерегулярно вела дневник, она писала: «Я чувствую, что переживаю самый интересный период своей жизни, что может все это скоро кончиться, и я с грустью буду думать о том, что не записывала ничего, и что все то хорошее, что могло бы остаться у меня, хоть отчасти, на бумаге — пропадет бесследно»^{***}.

Александра стала для отца самым близким человеком в последние годы его жизни. Не случайно именно ей он завещал «в полную собственность» все написанное им, веря, что она сделает творчество отца всенародным достоянием. Ей, единственной из семьи, доверил тайну своего ухода. Александра помогала ему в сборах, когда он навсегда покидал Ясную Поляну, а потом, присоединившись к нему в Оптиной Пустыни, сопровождала в Астапово, ухаживая за ним до последней минуты жизни.

^{*} Толстая А. Младшая дочь // Новый мир. 1988. № 12. С. 214.

^{**} Толстая А. Дочь. М., Вагриус. 2000. С. 106.

^{***} См. с. 53 наст. издания.

«...знаю, что тебе выпала страшная, не по силам, по твоей молодости задача»*, — писал Толстой в последнем письме дочери 29 октября 1910 г. из Оптиной Пустыни.

Справедливость этих слов подтверждает дневник Александры Львовны Толстой 1910 г. Александра долго «не хотела писать своего дневника, думая, что дочь не должна быть судьей отца и матери»**, но напряженная обстановка в семье летом 1910 г. заставила ее изменить свои намерения. Александре Львовне, которая безоговорочно была на стороне отца, важно было показать людям, осуждающим его, какой «крест» он несет. Конечно, 26-летняя Александра не беспристрастный очевидец тех событий, что происходили в Ясной Поляне в 1910 г. Ее излишний максимализм и резкость в некоторых оценках матери и других членов семьи искупаются ее огромной жалостью и любовью к 82-летнему отцу, которыми освещены все страницы ее дневника.

Толстого радовало отношение дочери: «Вот и то хорошо, что мы друг с другом так близки, можем делиться, когда нам трудно»***.

Трудно отцу и дочери бывало часто, о чем красноречиво свидетельствует дневник. Их спасала взаимная поддержка. Более того, Толстой не представлял уже своей жизни без младшей дочери, лишь с ней из семьи связывал свои планы: «Мне все чаще и чаще приходит в голову, что надо нам с тобою уехать куда-нибудь. Тут такие серьезные мысли, приближение смерти, не до любезностей и притворства»****.

Дневник А. Л. Толстой почти не открывает перед исследователями жизни и творчества Толстого новых фактов. Его ценность в другом. Он передает эмоциональный настрой главных участников драмы в Ясной Поляне. Особую значимость дневнику придает то, что Александра была единственной из свидетелей этих событий, кто обладал всей полнотой информации: общалась и с членами семьи, и с Чертковым и его окружением, переписывала письма и дневники отца. Лишь она одна из детей постоянно жила с родителями и была очевидцем и невольным участником их сложных взаимоотношений. К сожалению, не всегда ей хватало выдержки и такта, в чем ее упрекали старшие братья и сестра. Описывая страшные события 3 октября 1910 г. Александра записала в дневнике: «Сережа и Таня были недовольны мной, но я им сказала:

— Вы не можете трех дней прожить в родительском доме, так вам тяжело, и начинаете уже говорить о том, что у вас семьи, а я всю жизнь

* Юб. Т. 82. С. 218.

** С. 55 наст. издания.

*** С. 115 наст. издания.

**** С. 98 наст. издания.

свою мучаюсь, без отдыха, не переставая. Пожалуйста, не осуждайте меня и поймите, что я должна была высказать все, что накопело»*.

Мнением старшей сестры и брата Сергея Александра Львовна дорожила всю свою жизнь, о чем свидетельствует ее письмо к Т. Л. Сухотиной из США от 2 апреля 1930 г.: «Пишу воспоминания свои, и над ними все плачу. Писала о Ваничке, потом о детстве своем тяжелом, о вас, сестрах, и все ревела каждый день. Кроме того, мне тяжело, что я уверена, что вы с Сережей (мнением остальных я не дорожу) опять будете бранить меня, потому что я пишу все без утайки, без прикрас! Кто знает, сколько еще придется жить на свете, а есть вещи, которые знаю только я одна. Многое тяжело писать, но, с другой стороны, память об отце дороже мне всего на свете, да, пожалуй, это только одно и осталось, и мне хочется, чтобы никаких ложных толкований не было, а они уже есть, и люди иногда Бог знает что пишут про отца. Мне кажется, что если я с любовью, без злобы напишу все, что я знаю, голую правду, я не погрешу ни перед кем!»**

Дневник Александры Львовны Толстой 1910 г. и есть та самая «голая правда», которую читать очень трудно.

Александра, у которой, по ее словам, было все «сосредоточено на папѣ», безоглядно пошла за отцом. «Меня мучило только одно: как уберечь, сохранить, как сделать так, чтобы был спокоен, счастлив мой самый любимый на свете, старенький, с седыми локонами на затылке, такой худой, беззащитный, слабеющий отец?!» — писала А. Л. Толстая уже в зрелые годы***. 27 октября 1910 г., понимающая историческую важность происходящего, Александра начинает делать записи в маленьком блокноте («Записная книжка»). Первые более пространственные записи, сделанные чернилами, меняются на краткие карандашные, отражающие ухудшающееся состояние отца. Часть записей сделана рукой ее подруги, В. М. Феофоровой, помогавшей ей ухаживать за умирающим Львом Николаевичем.

Эти краткие записи помогли впоследствии Александре Львовне восстановить в памяти события последних дней жизни отца, а нам, читающим их, они позволяют почувствовать, в каком страшном напряжении душевных и физических сил находилась дочь у постели умирающего отца, разделить с ней боль тяжелой утраты.

На основе дневника 1910 г. Александрой Львовной были написаны в 1912 г. воспоминания «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого»****.

* С. 174 наст. издания.

** ОРГМТ.

*** Толстая А. Отец. С. 427.

**** См: Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1923. С. 131–184. К столетнему юбилею Толстого воспоминания были переизданы отдельной брошюрой (Труды музея-усадьбы «Ясная Поляна». Тула, 1928).

После трагических событий 1910 г. А. Л. Толстая долго не вела дневник. Годы, проведенные после смерти отца, до начала Первой мировой войны были, по словам его младшей дочери, «самыми тяжелыми» в ее жизни. Позднее об этом периоде она писала так: «Казалось, что оставленное отцом завещание на все его литературные права, посмертное издание трех томов его неизданных сочинений, покупка у семьи земли Ясной Поляны на средства, вырученные от первого издания трех томов, и передача этой земли крестьянам — все это должно было заполнить мою жизнь. На самом деле этого не было. Нарушились мои отношения с семьей. Мои любимые старшие брат и сестра — Сергей и Татьяна, самые близкие, особенно Таня, к отцу, моя мать и братья, не получившие авторских прав, — все были обижены. Это было тяжело»*. Вскоре наступило и горькое разочарование во многих последователях отца, в том числе и в В. Г. Черткове.

Весной 1914 г., в канун своего тридцатилетия, Александра отправилась с подругой В. М. Феофоровой путешествовать в Европу, но и здесь ее одолевали проблемы, которые «издергали» ей душу и нервы в России. Здесь же ей пришлось сделать труднейший жизненный выбор. Публикуемый дневник свидетельствует, как непросто это было.

А. Л. Толстая прожила долгую и интересную жизнь. В этой жизни было все, кроме личного счастья: Господь не дал ей радости быть женой и матерью. Всю жизнь она посвятила одному человеку — своему отцу, казалось, никогда не испытывая сожаления об этом. В публикуемых дневниковых записях отразилась борьба между дочерним долгом и жаждой личного счастья и любви. «Имя, вот что я берегу, ради этого с болью разрываю то, чем одним жила эти последние 5 месяцев», — так подводит итог этой борьбы Александра Львовна**.

Для биографов А. Л. Толстой эти дневниковые записи представляют особый интерес, так как в своих мемуарах она предпочла умолчать о своем заграничном путешествии весной 1914 г.

Когда началась Первая мировая война, Александра Львовна решила отправиться на фронт: «Родина в опасности!.. Я не могла сидеть дома, я должна была участвовать в общей беде»***. Окончив краткие курсы сестер милосердия, в сентябре 1914 г. А. Л. Толстая ушла добровольцем на фронт. Она была прикомандирована к санитарному поезду для приема раненых. В 1915 г. вступила

* Толстая А. Дочь. С. 224.

** См. с. 219 наст. издания.

*** Толстая А. Дочь. С. 226.

в отряд Красного Креста для борьбы с эпидемией тифа в русской армии, действовавшей на Турецком фронте. Позднее, как уполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, в прифронтовой полосе организовывала школы-столовые для детей-беженцев (около 10 тысяч); с командой в 250 человек в три дня создала госпиталь на 400 коек. О Февральской революции 1917 г. узнала в госпитале, где находилась после отравления во время немецкой газовой атаки. В декабре 1917 г. А. Л. Толстая вернулась в Москву, награжденная двумя Георгиевскими медалями.

Несмотря на разруху из-за войны и революционных событий, дочь Толстого горячо взялась за дело издания и распространения сочинений отца. В Петрограде при участии А. Ф. Кони, А. А. Шахматова, В. И. Срезневского и других ученых и литераторов Александра Львовна учредила «Общество изучения и распространения творений Л. Н. Толстого» и начала работу по подготовке к изданию сочинений Толстого. С. А. Толстая передала Александре свои права на рукописи и ключи от 12 ящиков, в которых в Румянцевском музее хранились автографы, написанные Толстым до 1880 г. В неотапливаемом здании Румянцевского музея началась напряженная работа по разбору рукописей и подготовка их к печати. Александра Львовна вспоминала: «Эти несколько лет, которые мы проработали в Румянцевском музее, были для меня самыми яркими и, пожалуй, счастливыми в мрачные, безотрадные дни революции»*.

15 июля 1919 г. А. Л. Толстая была впервые арестована, но вскоре ее отпустили. 17 июля 1919 г. она писала сестре: «Милая Танечка! Пишу тебе из дома, куда благополучно пришла вчера в 6 часов вечера. Выпустили меня по ходатайству Черткова через Дзержинского и Каменева, арест был произведен потому, что найден был мой адрес у какого-то контрреволюционера, находящегося у Деникина. Подняли большой шум около этого дела, и вчера же вечером Каменев передал через Владимира Григорьевича извинения от Совета народных комиссаров по поводу случившегося»**.

В ноябре 1919 г. нарком просвещения А. В. Луначарский назначил А. Л. Толстую комиссаром-хранителем усадьбы «Ясная Поляна».

4 ноября 1919 г. в Ясной Поляне скончалась С. А. Толстая. Александра была возле матери во время ее болезни и похоронила ее с чувством примирения и раскаяния.

* Толстая А. Дочь. С. 272.

** ОР ГМТ.

В марте 1920 г. Александру Львовну вновь арестовали по обвинению в причастности к контрреволюционной организации «Тактический центр» и, продержав в тюрьме ГПУ на Лубянке два месяца, освободили под подписку о невыезде из Москвы. В августе 1920 г., хотя вина ее не была доказана, Верховный военный трибунал приговорил ее к трем годам заключения в концлагерь, находившийся в Московском Новоспасском монастыре. Оттуда А. Л. Толстая писала Ленину: «...Мой отец, взглядов которого я придерживаюсь, открыто обличал царское правительство и все же даже тогда остался свободным. Я — постольку, поскольку кто-либо интересуется моими взглядами — не скрываю, что я не сторонница большевизма, я высказала свой взгляд открыто и прямо на суде, но я никогда не выступала и не выступлю против Советского правительства, никогда не занималась политикой и ни в каких партиях не состояла... Владимир Ильич! Если я вредна России — вышлите меня за границу. Если я вредна и там — то, признавая право одного человека лишать жизни другого, — расстреляйте меня как вредного члена Советской Республики. Но не заставляйте меня влачить жизнь паразита, запертого в четырех стенах с проститутками, воровками, бандитками...»*

Находясь в Новоспасском лагере, Александра Львовна снова ведет дневник**. Опасаясь обысков, она прячет дневниковые записи за кафельными изразцами старинной монастырской печи, а затем передает их на волю в бутылке из-под молока (дочь Толстого иногда отпускали на побывку домой, разрешали посещения родственников и друзей). На воле эти записи перепечатывались Варварой Михайловной Феокритовой. Очевидно, одну из машинописных копий дневника 1920 г. Александра Львовна забрала с собой при отъезде за границу в 1929 г. и использовала позднее при написании мемуаров.

В феврале 1921 г. А. Л. Толстая была освобождена из заключения по амнистии, проведя в лагере в общей сложности шесть месяцев.

В июне 1921 г., после национализации усадьбы «Ясная Поляна», Александра Львовна была назначена хранителем созданного музея. С 1925 г., после отъезда за границу Т. Л. Сухотиной, А. Л. Толстая также исполняла обязанности директора Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

А. Л. Толстая принимала активное участие в работе Юбилейного комитета по ознаменованию 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого под председательством А. В. Луначарского. В 1928 г. вышел

* ОРГМТ.

** В данном издании дневник А. Л. Толстой 1920 г. публикуется впервые.

первый том Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого (Юбилейное издание), Александра Львовна входила в состав редакторского комитета. 12 сентября 1928 г. в Ясной Поляне была открыта школа им. Л. Н. Толстого, построенная под руководством А. Л. Толстой. Больница же в Ясной Поляне, строительство которой было начато А. Л. Толстой, была открыта в ноябре 1929 г., уже после ее отъезда из России. 1 октября 1929 г. Александра Львовна была командирована в Японию с циклом лекций о Л. Н. Толстом. Приглашение из Японии было как нельзя кстати, так как у нее к этому времени сложились очень напряженные отношения с местными советскими властями. Хранителю Ясной Поляны диктовали, что и как делать, запрещали обучение в школе по толстовской программе, навязывали чуждые духу Толстого пропагандистские идеи. Александру Львовну не покидало ощущение несвободы, для нее это было хуже тюрьмы. Она писала своей племяннице, А. И. Толстой-Поповой: «Больше всего хочу свободы. Пусть нищенство, котомки, но только свобода»*.

В Японии с большим почтением относились к Толстому, поэтому лекционное турне А. Л. Толстой прошло очень успешно. В своих воспоминаниях А. Л. Толстая, восхищенная древней японской культурой, назвала Японию «волшебной страной», но и там у нее возникли трудности. После того как в 1931 г. Александра Львовна отказалась от советского гражданства, интерес к ней в Японии, сочувствовавшей Советской России, резко упал, и она стала испытывать серьезные материальные затруднения.

В июне 1931 г. А. Л. Толстая переехала в США, где прожила 48 лет, до самой смерти. В США она использовала любую возможность для пропаганды взглядов Л. Н. Толстого: читала лекции, писала статьи, воспоминания, книги. В 1933 г. были изданы книги: «Трагедия Толстого» (Лондон); «Моя жизнь с отцом» (Париж, Милан). В 1934 г. вышли в свет: «Я работала для Советов» (Лондон); «Моя жизнь в стране Советов» (Нью-Йорк). К сожалению, эта деятельность, так же как и в Японии, не давала достаточных средств к существованию. Александра Львовна, поселившись на ферме, разводила кур, доила коров, занималась полевыми работами, научилась водить трактор и автомобиль. 24 августа 1934 г. в письме к сестре, Татьяне Львовне Сухотиной, А. Л. Толстая писала: «Я работаю с 6 утра и до 10 вечера ежедневно страшным, нечеловеческим трудом, стараясь не только просуществовать, но и помогать другим. Живу до сих пор без ванны, в бараке, в одну доску, и зиму, и лето, не могу купить себе чулок и смену белья. Никогда никого не прошу о помощи. Занимаю деньги

* ОРГМТ.

в банке и отдаю в срок, никаких “богатых” американцев не знаю и знать не хочу»*.

Дочь Толстого своим авторитетом, своей энергией служила России вдали от Родины. Весной 1939 г. Александра Львовна при участии Б. А. Бахметьева, Б. В. Сергиевского, С. В. Рахманинова и др. известных деятелей основала Толстовский фонд, неправительственную благотворительную организацию. Главной целью фонда стало помогать попавшим в беду русским людям — эмигрантам, беженцам, поддерживать их материально и духовно. «Может быть, именно поэтому, что так остро чувствую свою русскость и боль за русских, волей-неволей судьба наложила на меня сейчас задачу объединять русских здесь, в Америке», — писала А. Л. Толстая 2 марта 1940 г.**. Возглавив Толстовский фонд, Александра Львовна на деле претворяла в жизнь идеалы добра и милосердия своего отца. На Толстовской ферме под Нью-Йорком были построены интернат для престарелых, детский дом, церковь, больница, библиотека. Были открыты филиалы Толстовского фонда в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Южной Америке. Среди тех, кому помог Толстовский фонд, были писатели Бунин, Мережковский, Ремизов, Зайцев, Шмелев, позднее Солженицын, дочь Сталина Светлана Аллилуева и многие другие.

Несмотря на огромную занятость делами Толстовского фонда, Александра Львовна находила время и силы, чтобы писать книги о Толстом, о своей жизни: в 1942 г. «Новый журнал» (Нью-Йорк) начал печатать ее роман «Предрассветный туман»; в 1953 г. в Нью-Йорке издана книга «Отец. Жизнь Льва Толстого»; в 1965 г. в Вашингтоне вышла в свет книга «Проблески во тьме»; в 1979 г. канадское издательство «Заря» выпустило книгу «Дочь», последнее прижизненное издание А. Л. Толстой. В СССР имя Александры Львовны Толстой было под запретом начиная с 1948 г., когда в центральных газетах была развернута против нее клеветническая кампания с обвинениями в связях с ЦРУ, в шпионаже, измене Родине. Ситуация изменилась лишь в канун празднования 150-летия Толстого в 1978 г., когда А. Л. Толстая получила приглашение приехать в Москву на юбилей отца. В ответ она, уже прикованная к постели, писала: «Не могу передать, как мне тяжело, что я не могу быть с вами в эти знаменательные дни, каждая минута которых нигде не забывается в моей памяти, тем более что я далеко от дорогой мне Ясной Поляны, от моей России, от близкого мне русского народа. Все мои мысли

* ОРГМТ.

** ОРГМТ.

и чувства с вами. Благодарю Бога за то великое счастье, которое Он мне послал, послужить такому человеку, как мой отец, облегчить ему тяжесть последних дней... Мне тяжело, что в эти драгоценные для меня дни я не могу быть с вами, с моим народом на русской земле. Мысленно я никогда с вами не расстаюсь»*.

Александра Львовна Толстая скончалась 26 сентября 1979 г. Похоронена на кладбище Новодивеевского монастыря под Нью-Йорком. Выражая соболезнования осиротевшему Толстовскому фонду, Джеймс Эрл Картер, президент США, писал 5 октября 1979 г.: «С ее кончиной оборвалась одна из последних живых нитей, связывавших нас с великим веком русской культуры. Нас может утешать лишь то, что она оставила после себя. Я думаю не только о ее усилиях представить нам литературное наследие ее отца, но и о том вечном памятнике, который она воздвигла сама себе, создав примерно сорок лет назад “Толстовский фонд”. Те тысячи, которых она облагодетельствовала своей помощью, когда они свободными людьми начинали новую жизнь в этой стране, всегда будут помнить Александру Толстую»**.

В настоящем издании все известные нам Дневники А. Л. Толстой впервые полностью публикуются по подлинникам, хранящимся в *ОР ГМТ*.

*Н. А. Калинина
С. Д. Новикова*

* *ОР ГМТ*.

** Александра Толстая. Каталог выставки. Тула, 2000. С. 49.

1920 год

Новоспасский лагерь¹

Меня привезли сюда из Особого отдела ВЧК², где мы ночевали всего две ночи после суда³.

В Особом отделе на дворе я и две мои товарки по процессу встретились с остальными товарищами. Двоих из нас, Малеину и меня, отделили, и с двумя конвойными направили в Новоспасский лагерь, остальных — в Ивановский⁴.

Душный летний день, парит, вещи оттягивают плечи и руки, башмаки натирают ноги. Два конвоира в остроконечных шапках ВЧК едва отвечают на вопросы, деловито и хмуро шагая по обеим сторонам. Нас гонят по мостовой. Я тщетно прошу конвоиров разрешить нам идти по тротуару, ссылаясь на свои больные ноги. Изредка прохожие останавливаются и с грустью и сочувствием смотрят нам вслед.

Я ни о чем не думаю, ничего не чувствую, кроме боли в ногах, в спине, плечах. Жарко, ноги подкашиваются, дышать нечем.

Синяя, густая туча вырастает перед нами, поднимается ветер, начинает накрапывать дождь, сильнее, сильнее. Мы уже подходим к Таганской площади, когда вдруг разражается сильнейший ливень.

— Товарищи, разрешите постоять под ворота*, — обращаюсь я к конвоирам. Они, очевидно, так же, как и мы, устали.

— Ладно, постоим.

Я пользуюсь отдыхом для того, чтобы снять башмаки, которые уже успели мне натереть ноги до громадного размера водяных пу-

* Так в подлиннике.

зырей. Предлагаю конвоирам закурить. Закуриваем. Дождь постепенно утихает, воздух делается свежее.

— Идем что ли, — уже мягко говорит один из солдат. — Идите по тротуару, — обращается он ко мне, а то, вишь, ноги-то у вас на что похожи...

— Спасибо, товарищ.

И вдруг я чувствую, что люди эти не конвоиры Особого отдела ВЧК, а простые, добрые, отзывчивые ребята.

— На сколько лет приговорены? — спрашивает один.

— На три года.

— О-о-ох, — вздыхает другой, — пропала ваша молодость.

На минутку делается грустно, но только на минутку. Нет, нет. Ни минуты жизни не должно пропадать, и от тебя, только от тебя зависит, чтобы всегда, во всех условиях жизнь не была бы пропащей.

Я вижу, что грустная тень легла на молодое, хорошенькое лицо моей товарки по заключению.

— Ну, так и молодость прошла, — говорю я, смеясь, — мы и в лагере не пропадем.

Подходим к монастырю. Конвоир звонит. Выходит надзиратель. Нас впускают в калитку и сейчас же за нами запирают ее на тяжелый замок.

— Новеньких привел? Веди в канцелярию.

Идем по асфальтовой дорожке мимо кладбища. Памятники, кресты, деревья на кладбище, только что омытые дождем, блестят на солнце, чувствуется запах тополя...

Не будучи православной, я все же никогда не могла отрешиться от какого-то чувства, привитого еще с детства, благоговения при виде кладбища, монастыря. Чувствуется какой-то покой душевный, равновесие... После всех мытарств суда, волнений, проявления жестокости и несправедливости людской, после страха смертной казни, которая грозила моим друзьям, недели сидения в суде с утра до ночи, ареста я вдруг почувствовала какое-то успокоение при виде тихого, спокойного уголка кладбища приютившегося здесь за оградой монастыря.

— Сволочь ты окаянная, мать твою... — И две девки, растрепанные и ужасные в своем гневе, выскочили из канцелярии.

— Не крала я твоего мыла, сама ты шкура подзаборная, воровка, — орала другая.

Нас ввели в канцелярию. За столом сидела очень белокурая женщина и писала что-то. Она подошла к нам, любезно предложила сесть и стала задавать вопросы для заполнения анкетных листов.

— Вы не унывайте, — сказала она нам, — я ведь и сама заключенная, привыкнете, ведь у нас из лагеря даже иногда и домой отпускают.

— Боже мой, неужели и вас сочли за контрреволюционерку, — сказала она мне, когда узнала мою фамилию. — Если бы знали, как я люблю вашего отца, сколько раз приехать хотела в Ясную Поляну, но не решалась.

— А можно спросить, как ваша фамилия?

— Каульбарс.

— Дочь губернатора?⁵

— Да. Я здесь сижу без обвинения в качестве заложницы больше полутора лет.

Я внимательно посмотрела на нее. Вид ужасный, желтая арестантская куртка, старая, позеленевшая от времени юбка, кое-где выдранная ключьями, стоптанные самодельные туфли, из-под которых выглядывают голые пятки.

Во время нашего разговора вошла молодая стриженная женщина с черными курчавыми волосами, блестящими карими глазами и правильными чертами лица.

— Осторожнее, — шепнула Каульбарс. — Это тоже арестованная, коммунистка, она по здешнему наречию: легавая, т. е. шпионка, следит за арестованными и доносит начальству.

— А что, по телефону домой нельзя позвонить? — спросила моя товарка.

— Не знаю, как Катя Кабакова, она дежурная сегодня, — сказала Каульбарс. — Как, Катя, можно? — обратилась она к курчавой женщине.

— Пусть звонят, — процедила та, не оборачиваясь.

Когда все формальности были выполнены, нас снова повели по двору. Здесь нас встретила маленькая стриженная женщина с большой связкой ключей за поясом, с очень симпатичным лицом и повела нас в камеру.

Это Александра Федоровна Платонова, выборная староста лагеря.

Мы вошли в большой каменный двухэтажный корпус. Поднялись по деревянной лестнице и вошли в камеру старосты. Это бывшие кельи монашеские. Маленькие квартики*, разделенные деревянными перегородками, обклеенными обоями, с голландскими печами из старинных с синенькими ободками кафлей⁶, деревянными полами и маленькими окнами, в большинстве случаев без форточек.

В камере мы застали большое общество. На кровати, поджав ноги под себя, сидела армянка, как я впоследствии узнала, посаженная

* Так в подлиннике.

за спекуляцию брильянтами, затем жена офицера, ушедшего к белым, помощница старосты, латышка, жена летчика и толстая женщина неинтеллигентного вида, посаженная за продажу самогонки.

Все эти женщины приветливо и дружелюбно встретили нас, притащили громадный чайник кипятку, и через час времени я уже почувствовала себя с ними хорошо и уютно.

28 авг<уста>

Самое тяжелое здесь — это вид этих 300 погибших женщин. Проституция, воровство, полное безверие. Отличительная черта этих людей, привитая им теперешним большевистским течением, — отсутствие какой бы то ни было самой примитивной веры в Бога, п<отому> ч<то>, насколько я знаю, у прежних людей этого сорта все-таки был какой-то страх перед судом Божиим.

Здесь ночью так называемые бандитки разбили склеп Шаховских, пробили гроб и разбросали кости и черепа покойников, ища золото.

Я ходила смотреть этот склеп. Над склепом нечто вроде часовни, в часовне икона Божьей Матери. Здесь я застала двух женщин, играющих в карты.

— Что, посмотреть пришли?

— Да.

— Вишь, девочки наши как тут перерыли.

— Зачем же они так сделали?

— Золото, драгоценных камней искали. Говорят, браслет и кольцо нашли. Мертвым этого все равно не нужно.

— Неужели не страшно им было тревожить покойников?

— Чего страшного, кости, они кости и есть.

— А разве это не кощунство, не грех?

— Грех, какой там грех. — И женщины грубо захохотали.

С тяжелым чувством горечи отошла я от них. Мы говорили на разных языках.

Через несколько дней после этого по лагерю распространился слух, что в 20-й камере «девочки» не спят, в ужасе вскакивают и всю ночь напролет сидят на койках, обливаясь холодным потом. К ним покойник является и упрекает их за то, что они потревожили его прах.

Что это? Смутные укоры совести или расшатанные нервы?

На днях снова кто-то пытался взломать склеп, слышны были глухие удары лома, разговоры... На этот раз политические вмешались, разогнав девочек...

Игра в крокет в Ясной Поляне. 1896 г.
 Слева направо: К. Н. Игумнов, Александра Толстая,
 С. И. Танеев, А. А. Курсинский.
Фотография С. А. Толстой

А. Л. Толстая на хозяйственном дворе в Ясной Поляне. 1901 г.
 Слева направо: Е. С. Денисенко, служащий И. П. Арбузов,
 А. Л. Толстая с собакой Белкой и кухарка О. Д. Арбузова.
Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой с Т. А. Кузминской (в санях) и А. Л. Толстая.
5 февраля 1905 г. Ясная Поляна.
Фотография С. А. Толстой

С. А. Толстая с родными и друзьями в яснополянском парке. Апрель 1905 г.
Слева направо: М. Л. и Н. Л. Оболенские, М. А. Маклакова (на земле),
С. Л. Толстой, Ю. И. Игумнова, Т. Л. Сухотина,
А. Л. Толстая (на земле) и С. А. Толстая.
Фотография С. А. Толстой

Содержание

Дневники А. Л. Толстой 1903–1920 гг.	5
1903 год.....	17
1904 год.....	27
1906 год	43
1907 год	53
1910 год	55
Записная книжка	203
1914 год	209
1920 год	221
Примечания	259
Список сокращений	261
Дневники	262
Указатель имен	314